

Юлия Эйч

Яр

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юлия Эйч

Яр. Классический детектив

«Издательские решения»

Эйч Ю.

Яр. Классический детектив / Ю. Эйч — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744545-4

Книга придется по вкусу любителям классического английского детектива. Крупный нефтяной магнат убит в собственном доме. Неизвестный проткнул горло жертвы золотым Parker. Круг подозреваемых узок. Но кто из холеных женщин и солидных бизнесменов нанес роковой удар? Помочь молодому следователю распутать клубок интриг берется частный сыщик и любимец женщин Яр Гордеев. Неординарный и талантливый Яр безошибочно следует к разгадке таинственного преступления.

ISBN 978-5-44-744545-4

© Эйч Ю.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Яр Классический детектив

Юлия Эйч

© Юлия Эйч, 2020

ISBN 978-5-4474-4545-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Марьяна вздрогнула и подняла голову от книги. Ее испуганный взгляд метнулся к двери в комнату. Отец всегда ужасно злился, если заставлял ее поздно ночью за чтением. В свои 15 лет она уже не могла обходиться без линз или очков, но вовремя оторваться от перипетий очередного детективного сюжета не было никаких сил.

Девочка прислушалась. Большой дом жил своей жизнью. Где-то поскрипывало, похлопывало, шуршало и перекачивалось. Но звука шагов, который ее напугал, больше слышно не было. Не уловив ничего угрожающего, Марьяна вытерла о цветастый пододеяльник вспотевшие ладошки и вернулась к странице.

Но уже через мгновение шаги внизу снова выдернули ее из грез. И это точно был не отец, слишком уж торопливые. Странно. Марьяна взглянула на часы – половина второго ночи. Кому это там не спится? Огонек любопытства мгновенно загорелся где-то в груди и стал расплываться по телу адреналиновой волной. Вдруг в дом пробрались воры? Девочка тихо выскользнула из постели, сунула ноги в мягкие тапочки в форме сиреневых зайцев и отправилась на разведку. Сердце забило быстрее, ладони опять увлажнились, вдруг внизу на самом деле грабители? Но как волнующе-приятно представить себя на месте хитроумного сыщика, который вот-вот разоблачит преступника.

Мрак коридора рассеивал лишь розоватый свет лампы в холле на первом этаже. Ночная путешественница начала крадучись спускаться по широким деревянным ступеням, ежесекундно ожидая увидеть в темноте кого угодно – от вора до привидения. Что-то там внизу было. Пылкое воображение услужливо подсовывало одну картину ужаснее другой. Вот жалостливо скрипнула последняя ступенька, и весь холл оказался как на ладони. Никого. Только в одном из двух гигантских кресел, которые привычно поблёскивали позолоченными подлокотниками – символ чудовищного вкуса матери, – переливается золотистая шерстка спящего кокер-спаниеля Люси. Заметив маленькую хозяйку, пес проворно подскочил и приветливо замахал хвостом, кружась у ног и громко пыхтя. Шерсть собаки была мягкой, шелковистой и девочка с удовольствием запустила в нее пальцы.

– Був! – довольная Люся завертелась еще быстрее, пытаясь облизать ласкающую руку.

– Тише, – Марьяна зажала пасть собаки и оглянулась. Но дом продолжал спать. Узкая полоска света под дверью папиного кабинета резко выделялась на темном полу, но никаких звуков из комнаты не доносилось. После двух сотен прочитанных страниц спать не хотелось совершенно, и девочка решила заглянуть к отцу. Скажет, что проснулась от кошмара, и он ее обнимет и расскажет что-нибудь успокаивающее и обязательно интересное.

Марьяна приоткрыла дверь и заглянула. Отец, как обычно, сидел за столом. Но сидел как-то странно, нелепо свесившись на один бок. В животе что-то неприятно заныло, ноги странно отяжелели, но девочка решительно вошла в комнату, совершенно четко ощущая нереальность происходящего. На бледной шее отца что-то блестело. Пришлось подойти едва не вплотную, чтобы понять, что это кончик золотого Паркера. Ворот светло-голубой рубашки под ним пропитался кровью. Умом Марьяна понимала, что произошло нечто жуткое, и главное совершенно безвозвратное, но это странно не трогало. Чувства будто отключились. Как будто стеной отгородило их от мозга. «Мне должно быть страшно и больно», – мысль была какая-то вялая и необидительная. Она вдруг подумала, что надо сообщить о произошедшем сестрам. Но как? Пойти к Лере в комнату и сказать, знаешь, там из папы торчит ручка? Для этого нужно обязательно изобразить ужас и горе, иначе ее примут за чёрствую эгоистку, но ничего такого она не ощущала.

Оставался единственный и самый простой путь. Марьяна набрала в грудь побольше воздуха и закричала. И кричала истошно, до боли в легких, стараясь хоть в этом отдать дань ужасу

произошедшего. Она замолчала, лишь когда в комнату начали сбегаться домочадцы. Первой оказалась Валерия. В шелковой пижаме в золотых розах и хаосом темно-каштановых волос она показалась особенно родной и близкой.

– Маря, что... – кинулась она к девочке и осеклась, увидев отца. Комната быстро наполнилась суетой и ужасом. «Какая я бесчувственная. Я даже не плачу», – сокрушалась Марьяна, по-прежнему стоя у стола и глядя на рыдающую рядом вторую сестру Полину. Ее шелковый халатик распахнулся, едва не полностью обнажив пышную грудь. Но Поля этого не замечала. Она сжимала щеки руками, как будто хотела закрыть ими глаза, но не могла, не в состоянии оторваться от жуткого зрелища. Слезы безудержно бежали по щекам, образуя уродливые потеки из теней и туши. «Неужели она и спит накрашенная», – пронеслась в голове Марьяны очередная неуместная мысль.

Няня, Елизавета Сергеевна причитала и даже как-то слегка подвывала, но при этом с большим интересом рассматривала место преступления, стараясь во всех подробностях запомнить, как именно торчит необычное орудие убийства и в какой рисунок сложились капли крови под хозяйским креслом. Она уже чувствовала себя звездой, предвкушая как расскажет обо всем, что случилось соседям и знакомым.

На лице кухарки, точнее повара, как она сама себя называла, француженки Марсель читалось лишь любопытство и еще что-то похожее на беспокойство. Если почти все взгляды были устремлены на мертвеца, то она больше проглядывала на живых, бестолково суетившихся вокруг.

Одним из последних в наглухо запахнутом бархатном халате прибежал шофер Георгий и едва не сбил замершего на пороге садовника Степана. Тот все что-то повторял. Кажется, про милицию, но как-то неуверенно, глядя немигающими глазами на застывшую в кожаном кресле фигуру хозяина.

Невозмутимой оставалась лишь Валерия. Бесстрашно пощупала бессильно висевшую руку родителя, убедилась, что он мертв, и грубо оттащила от него няню.

– Нечего здесь топтаться. Может следы какие остались. Степан, что замер? Милицию, быстро, – она нетерпеливо махнула в сторону двери, – Поля успокойся. Марсель, дайте ей валерьянки что ли. Или коньяка. Георгий, позвоните мой матери, сообщите о случившемся.

Она напоминала царицу среди своих подданных. Несокрушимая, уверенная в себе, умная и волевая. Если раньше ее слова мог оспорить отец, то сейчас все признали ее полноправной распорядительницей дома. Когда все разбежались исполнять указания, Лера наклонилась к Марьяне, заглянула ей в глаза.

– Ты как? Пойдем я тебя в комнату провожу, – голос стал мягче, нежнее, заметив замешкавшегося на пороге мужчину она полупопросила – полуприказала – Георгий, позвоните и стойте у кабинета. Как появится милиция, покажите им тут, что к чему и позовите меня.

Глава 1

Убитый – Кость Леонид Николаевич – весьма неплохо выглядел для своих 56 лет. Даже будучи мертвым, а может благодаря этому. Поджарый, с пышной чуть седеющей шевелюрой, без единой морщинки на лице. Оружие убийства впечатляло. Мне на такое всей зарплаты не хватит. Даже если учесть ее повышение после присвоения должности старшего оперуполномоченного. Хотя на что мне такая штука? Тонкое золотое перо вошло в горло почти до половины, жертва умерла очень быстро. Ручка, как уже выяснилось, принадлежала убитому.

– Умер от собственного богатства, – попытался я пошутить, но пожилой медэксперт, пудривший крышку стола в поисках отпечатков пальцев, бросил на меня лишь мрачный взгляд. Сзади кто-то толкнул, пытаясь оттеснить меня от тела. Но это совсем не так просто, как может показаться. Я хоть и невысок ростом, но стараюсь компенсировать это шириной плеч. И 10 часов в неделю в спортзале приносят плоды. Повернувшись, я обнаружил за спиной худенького паренька в очках. Петр, кажется. Нет, Федор, точно Федор.

– Проходи, Федр, – я посторонился, пропуская смущенного эксперта. По-моему, он всегда чем-нибудь смущен. Прямо жалко его. Сложно таким неуверенным в себе на свете жить. На этот раз к его смущению примешивалось еще и удивление, что я назвал его по имени. Видать уже не помнит нашего знакомства пару месяцев назад. Его трудно винить. Я и то с трудом вспомнил, а у меня память отличная. В детстве стихи перед самым уроком литературы запоминал минут за 5—10. Очень удобно. И чтобы не растерять талант стараюсь тренировать мозги постоянно, запоминая и что надо, и что не надо.

Я еще раз оглядел комнату. Именно так, я считаю, и должен выглядеть домашний кабинет большого начальника. Книжные полки, гигантский письменный стол, рядом еще один стол с двумя компьютерами и кучей всевозможной сопутствующей техники. Никогда не понимал зачем нужно сразу два компьютера. По мне, так это сплошные понты. Но я могу и ошибаться, кто их знает этих богатеев, может, они уже научились как хамелеоны одним глазом смотреть на один экран, а другим на другой. По телевизору однажды показывали, как глаза у хамелеона ходят по окружности совершенно не зависимо друг от друга. Мне бы такой навык не помешал. Было бы удобно, к примеру, на очной ставке, одним глазом смотреть на свидетеля, вторым – на подозреваемого, отслеживать реакцию. Что-то меня занесло.

Я подошел к огромному глобусу в углу, поднял верхнюю половину, обнажился ряд бутылок. Вытащил одну наугад – Blak lable. Я не большой поклонник выпивки, и не разбираюсь в ней, но бутылка внушала уважение. Для хозяина кабинета она была явно обычным делом. Не беден был товарищ. Думаю, не ошибусь, если предположу, что занимался он нефтью, или нефтью и газом. На столе стояла миниатюрная золотистая нефтяная вышка. На книжной полке рядом с массивной книгой, на форзаце которой значилось загадочное «СРП», поблескивал гранями стеклянный параллелепипед с вырезанными внутри песочными часами. Но вместо песка в них переливалась вязкая черная жидкость, наверняка нефть. Мне стало интересно, что значит СРП. Что-то такое созвучное с НЛЮ. Я не без труда выкорчевал из шкафа фолиант и на первой странице прочел расшифровку – Соглашение о разделе продукции. Нда... Понятнее не стало. Любопытство даже заставило меня раскрыть гигантский талмуд, но ознакомиться с содержимым я не успел.

В коридоре снова залилась пронзительным лаем собака. Я поморщился. Совершенно дурной кокер. С утра, когда начали прибывать эксперты, он прямо охрип от лая. Пышная дама, представившаяся Елизаветой Сергеевной, долго извинялась, поясняя, что пес уж очень не любит чужих, и с трудом уволокла строптивого зверя куда-то вглубь дома. Видимо, снова вырвался. Но на этот раз быстро замолк. Есть предел и собачьим силам. Тут же стал хорошо слышен басок молоденького лейтенанта Кнутова. Совсем зеленый, но вроде толковый, и жутко

исполнителен. Голос становился все громче и запальчивее. Он явно пытался не пропустить настойчивого посетителя. Однако незваного гостя слышно не было.

Выглянув в коридор, я увидел рядом с Кнутовым щеголеватого вида молодого человека. Простые синие джинсы и светлая рубашка с закатанными почти до локтя рукавами довольно плотно обегали стройную, даже немного женственную фигуру. Любопытно почему мне сразу мне пришло в голову слово «щеголеватый»? Повторный осмотр позволил отметить стильный скошенный воротничок у рубашки, до блеска натертые полуспортивные туфли, аккуратную короткую стрижку, на которой примостились темные очки в тонкой металлической оправе с фирменной символикой. Неплохо. Я мельком гляну на свои изрядно потрёпанные жизнью ботинки.

Тут стало понятно, почему голоса незнакомца не было слышно из кабинета. Несмотря на то что Кнутов уже практически кричал, пытаюсь спровадить молодчика, тот втолковывал ему что-то тихим голосом без тени раздражения. Такой выдержке оставалось только позавидовать. Я с интересом наблюдал за развернувшейся сценой. Вдруг в голове мелькнула тень узнавания. Это необычное сочетание светлых волос и темно-карих глаз я уже где-то видел. Я побрел по закоулкам своей хвальной памяти. Перед глазами всплыло негодование коллег в участке, всеобщее разочарование... Газета, что же там с газетой. Что-то там такое написали... Точно! Вспомнил, я даже улыбнулся от облегчения. Яр. Яр Гордеев – частный сыщик. Вот он кто. И он недавно наших обскакал, раскрыл какое-то убийство. Я тогда был полностью поглощен хитроумным мошенничеством и мне было не до проблем коллег. Но запомнил, как Спиридонов принес газету с фотографией этого Гордеева на первой полосе, со злостью шваркнул об стол и проворчал: «Подумаешь, убийцу раскрыл. Я за свою практику не одного раскрыл, но мое фото на первых полосах что-то не светится». «А тебе и не позволили бы. А то каждый карманник тебя бы в лицо знал», – припомнил я свои же слова. Н-да. Значит, товарищ сыщик снова хочет влезть в газеты. Но теперь посмотрим, кто придет к финишу первым. От азарта я даже руки потерял.

– Вам чего? – пришел я, наконец, на помощь растерявшемуся лейтенанту. Незванный гость окинул меня цепким взглядом. Прямо две дыры. Радужки настолько темные, что почти сливаются со зрачками. Я в очередной раз подивился их контрасту с почти белой шевелюрой. Глаза сыщика остались холодными и настороженными, когда губы растянулись в вежливой улыбке:

– Добрый день. Гордеев. Яр, – он протянул руку.

– Андрей Степнов, старший оперуполномоченный, – рукопожатие оказалось сильным, но очень коротким, прямо скользящим, – А кто вы я знаю. Вы у нас личность известная, – я постарался вложить в эту фразу максимум сарказма. Гордеев улыбнулся краешком рта.

– Журналисты. Им нужен герой и желательно из народа, – оправдался он.

– И что же привело героя в наши края?

Сыщик глянул за мою спину, высматривая кого-то или что-то.

– Я понимаю, что официальные органы негативно относятся к вмешательству в расследование частных детективов. Но прошлый опыт говорит о том, что оно может оказаться полезным. Пусть не для репутации этих органов, но ведь главное – это найти убийцу, – сыщик сделал паузу и выжидательно уставился на меня. Я молча пожал плечами. – Валерия, дочь убитого, позвонила мне и попросила помочь в расследовании, – выложил он свой козырь.

У меня от удивления брови подскочили на пару сантиметров. Шустра девка. Эта Валерия встретила нас сегодня и оказывала все возможное содействие. Но при этом чувствовалось, что относится она к нам как чуть ли не к людям второго сорта. Высокомерная и холодная как лед. У меня даже мелькнула мысль, что она если не обрадовалась смерти отца, то, по крайней мере, не слишком расстроилась. Но раз уж она решила нанять сыщика, причем уверен не дешевого, то как минимум возмущена произошедшим и хочет возмездия. Мои размышления прервал тихий, даже вкрадчивый голос Гордеева:

– Так я могу взглянуть на место преступления?

Я заколебался. Очень хотелось бы послать его на три буквы, причем не СРП. Для этого было несколько причин. Во-первых, не положено по правилам. А во-вторых, и очевидно в главных, я побаивался, что он все-таки может меня обойти. А это будет, вероятно, невосполнимый удар по моему самолюбию. Я, конечно, тоже уже не мальчик, из почти тридцати лет жизни десять отдал распутыванию уголовных тайн и загадок. Но это был первый серьезный труп, который мне достался, после того как недавно меня повысили в должности и перевели в отдел убийств. Я был не совсем уверен в своих силах. Не будет ли этот сыскарь меня смущать? Но с другой стороны, он прав. Дело должно стоять на первом месте. И моя обязанность сделать все возможное, чтобы найти и желательно скорее убийцу. Все, включая позволение этому денди принять участие в расследовании. Придя к этому выводу, я посторонился, приглашая Гордеева пройти.

Кажется, он даже немного удивился. Наверно готовился к долгому спору. И так и впился в меня взглядом. Будто рентгеном просветил. Мне стоило большого труда не опустить глаза и сохранить бесстрастное выражение лица. Но уже через пару мгновений тот как будто потерял ко мне всякий интерес. Мягко ступая по пушистому цветастому коврику, он двинулся в сторону кабинета, откуда раздавалось тихое переругивание экспертов.

Двигался он совершенно бесшумно. Я не мог понять, причина в ковре или он действительно умеет ходить как кошка. Оказалось, умеет. Узорчатый блестящий паркет кабинета также как ковер оказался тих и уступчив под ногами Гордеева, в то время как мои шаги отдавались на нем гулким тук-тук. Яр едва заметно скривился, увидев тело, но подошел и осмотрел его. Вот неженка. Это злорадное замечание доставило мне удовольствие. Никто не совершенен. От этой мысли стало как-то легче.

– Лицо совершенно спокойное, значит, тот, кто так нетривиально воспользовался ручкой не вызывал у него подозрений и страха, – почти сразу стал делиться впечатлениям Яр.

– Да, я тоже это отметил, – соврал я, хотя не думал об этом. Но просто тут была сума-тоха, постарался я утешить сам себя. Я бы об этом подумал, сев за свой стол и начав изучать фотографии.

– Убийца разговаривал с жертвой. Взял со стола ручку, зашел за спинку кресла и ударил. Все просто.

Яр сопровождал свои слова соответствующими движениями, и я очень ярко представил эту картинку. Коварный убийца, беззащитная жертва, блеск металла, тихий хрип и... Я тут же решил тоже продемонстрировать свой профессионализм, хотя до этого не собирался говорить доморощенному сыщику о своих соображениях, чтобы ни в коем случае не помочь ему. Но тщеславие взяло верх.

– Причем много силы, чтобы вот так проткнуть горло не нужно. Но убийце повезло, жертва могла умереть не сразу, поднять шум. Однако удар пришелся точно на артерию.

Яр заметил эксперта, который работал за окном и подошел поближе.

– Что-то нашли на подоконнике?

Я помялся, но все-таки признал:

– Нашли следы пальцев. Окно довольно высокое и, похоже, кто-то подтягивался, ухватившись за подоконник, чтобы заглянуть внутрь. Убийца?

– Или свидетель... – Яр вернулся к изучению обстановки. Добравшись до глобуса, он вытянул ту самую бутылку, которая попала мне. Судя по одобрению на его лице, я не ошибся в ее оценке.

– Отличный вкус. Хотя я предпочитаю Далмор, 15-летний...

– Я могу чем-то помочь? – в дверях появилась Валерия. Я едва не присвистнул. Ночью она была со сна, в халате, растрепанная. Сейчас темные волосы спускались на плечи аккуратными крупными кудрями. Умело, едва заметно подведенные карие глаза казались огромными

на фоне бледной кожи лица. Довольно строгое, но соблазнительно обтягивающее стройную фигурку темно-серое платье. В ушах поблескивают мелкими камнями, уверен, не стекляшками, серебристые серьги. Это было странно. Девушка явно потрудились над внешним видом. Зачем? Очаровать сотрудников правопорядка? Через минуту загадка разрешилась. Взгляд Валерии, устремленный на Яра, полный сдерживаемой радости, и невольно дрогнувшие в улыбке губы, красноречиво говорили о том, что сыщика она наняла не только ради раскрытия дела. А может и вовсе, на дело ей было плевать. Она так и пожирала глазами парня, хотя рядом лежало едва остывшее тело отца.

Яр подошел, и бережно, как хрустальную вазу взял ее руку, будто душевная боль могла сделать ее уязвимой и физически.

– Лера, я тебе очень сочувствую. Это огромная потеря, но поверь, время лечит. И мы обязательно найдем злодея.

Я отметил это «мы». Но пока не решил, как к нему относится. Гордеев же участливо смотрел девушке в глаза своими бездонными колодцами, и голову могу дать на отсечение, ей сейчас было плевать на всех злодеев в мире. Она таяла под его взглядом как свеча под летним солнцем. Я подавил напрашивающийся смешок. Просто удивительно. Ночью это была натуральная снежная королева в своем дворце. Холодная, уравновешенная, всеми распоряжалась и помыкала. Я даже немного робел перед ней. И вот, королева тает. Стало даже завидно. Я бы от такой поклонницы тоже не отказался.

– Тебе лучше уйти отсюда, – Яр украдкой кинул взгляд на тело, – Пойдем, поговорим в другом месте.

Разговор затянулся минут на сорок. Когда сыщик вернулся, труп уже увезли, эксперты заканчивали свои священнодействия. Я ждал давешнюю пышнотелую даму, которая пообещала мне выделить комнату для предварительного опроса свидетелей, не хотелось вызывать всех в участок. Здесь же даже без тела, было как-то неуютно.

По виду Гордеева, который был по-прежнему собран и деловит, можно было подумать, что он действительно с девицей разговаривал. Хотя я бы не исключал и менее невинного занятия. Утешать несчастную, в конце концов, можно по-разному. Яр бегло осмотрелся.

– Ну, здесь все ясно. Можно двигаться дальше, – он небрежно взъерошил ежик волос. Мне было ужасно интересно, что именно ему ясно, но спрашивать я, естественно, не стал.

– Нужно опросить домочадцев, – это было утверждение, но в обращенном на меня взгляде явно стоял вопрос. Я мог его прогнать. Причем уверен, в этом случае он вряд ли стал бы спорить. Воспитание не позволило бы наглеть и лезть на рожон. Излишняя интеллигентность, на мой взгляд, делает людей мягкими, уязвимыми, я считаю это слабостью недопустимой для профессионального детектива. Уже позже я узнал, что у Гордеева эта обволакивающая, ублаживающая мягкость только на поверхности. Если же дело доходило до критической точки, по мнению Яра, критической, у него проступала железная воля и непоколебимое упорство в достижении цели. Все равно что пнуть стог мягкой осенней травы в уверенности, что с легкостью поднимешь его в воздух, и отбить ногу о запрятанную внутрь стальную балку. Со мной в детстве такое случалось.

– Нужно опросить, – кивнул я. В этот момент появилась, наконец, Елизавета как ее там и сообщила, что решено выделить нам библиотеку. У них еще и библиотека есть. Может, и тронный зал имеется? Я махнул Гордееву, приглашая его с собой. Он слегка склонил голову набок, выражая одновременно изумление и благодарность.

Так и не знаю точно, почему решил позволить ему остаться. Праведное желание использовать все доступные средства для раскрытия переступания? Великодушие? Или просто мальчишеское желание удивить этого такого спокойного, уверенного в себе человека?

– Собственно с вас мы и начнем, – сказал я пышнотелой даме. Честно сказать за ночь и утро она мне изрядно надоела. То и дело шныряла у кабинета, засовывая в дверь свою любо-

пытную физиономию, что-то высматривая и подслушивая. Но тем разумнее скорее с ней закончить. Она покорно кивнула, едва не задев меня по носу сложным гнездом из седых волос.

Библиотека встретила нас запахом лежалой бумаги и пыли. Видно, обитатели дома нечасто удостаивали ее вниманием. Стены облепили статные шкафы, у окна примостился шикарный стол красного дерева, рядом два синих бархатных кресла, у противоположной стены – миленькая темно-бордовая козетка и пара стульев. Мне здесь понравилось. Я люблю книги и их запах. Эх, а ведь скоро книжные полки наверно совсем вымрут. Распространение электронных книг вытеснит бумагу. И эти сотни томов поместятся на паре-тройке дисков...

Я крикнул Кнутову, чтобы шел записывать показания и удобно разместился в одном из кресел. Дама аккуратно, стремясь выглядеть максимально аристократично, присела на изящную козетку. Надо будет такую дома поставить. В этом предмете интерьера, по-моему, так и просвечивает сексуальность. Такие гибкие, асимметричные линии... Фу ты, опять мысли поползи куда-то не в ту сторону. Месяц без секса – это скажу я вам сущая пытка, может и вовсе скоро ни о чем другом думать не смогу. А что делать, мне девушки в постель сами не падают, а вот ему, я зыркнул на сыщика, вполне возможно...

Гордеев остался стоять, упершись о мощный письменный стол, за которым с бумажками расположился Кнутов. В этот момент следователи в книжках часто закуривают. Сигареты, а лучше сигару, чтобы тягостная пауза давила свидетелю на нервы, и ему сложнее было сосредоточиться и складно врать. Но я не курю. Поэтому просто немного помолчал, рассматривая собеседницу. Вопреки ожиданиям пауза ее, похоже, совсем не тяготила. Она с готовностью щенка смотрела на меня, наверно представляя себя на телевизионном шоу типа «Час суда». Гордеев тоже молчал, явно не претендуя на роль главного. Это радовало.

– Насколько я понял, вы в этом доме в должности няни, верно? – начал я. – И представьтесь для протокола.

– Кучерук Елизавета Сергеевна.

Кнутов бодро застрочил по бумаге.

– Да, я няня, слежу за Марьяной.

– Ага, за всеми ты тут следишь, – совсем тихо прошелестел я, но Яр услышал. По его губам скользнула легкая едва заметная улыбка, но внимательный взгляд не отрывался от дамы. Я попросил женщину рассказать о случившемся ночью, но сам исподтишка наблюдал за сыщиком. Он будто кот, заведший голубя, замер и отмечал каждое движение няньки. Стоило ей поправить на груди нелепый бант-брошку или прическу – гнездо дроздов, взгляд Гордеева мгновенно реагировал, следил за движением, а затем возвращался к лицу. Я стал подражать, надеясь увидеть то же, что рассчитывает увидеть он.

– Я уже в постели была, – между тем говорила женщина. – Не спалось мне. За день с Марьяной так умаялась. Она девочка подвижная. Все ей то гулять, то игру какую затеет, наверно переутомилась, так что уснуть не могла. И взяла книжку почитать... Толстого вот перечитываю.

Ага, Толстого, «Войну и мир» не меньше. Наверняка что-нибудь в розовой обложке с полуобнаженным красавцем. Но это не важно. И не важно, чего ей не спалось, но прерывать ее излияния я не стал. А то собьется с волны, потом сложнее будет что-то вытянуть.

– Я как раз дошла до совершенно неприличной сцены, как раздался дикий вопль.

Похоже, с романом я попал в точку. Не припомню у Толстого неприличных сцен. Разве только как Балконский обнажает душу перед читателем в ожидании боя под Аустерлицем?

– Я, конечно, тут же подскочила. Только халат накинула и вниз. А там такой ужас! Хозяин в кресле, все кричат, и кровь хлещет! – всплеснув руками, она замолчала на мгновение и вдохновенно повторила. – Ужас!

Однако на ее лице было написано скорее любопытство, никак не ужас. Интересно она в принципе равнодушна к чужому горю или просто не особенно любила своего работодателя?

И насчет хлещущей крови, это она, явно погорячилась. На полу был лишь небольшой подтек. Представляю, что она расскажет знакомым. Думаю, будет не меньше средних размеров кровавого бассейна. Я спросил, кого она застала в кабинете.

– Леру и Марьяночку. На Марьяше прям лица не было. А Лера... Ну думаю она тоже была шокирована. А потом все сбежались, кто в доме был. Даже Степан. Хотя он живет в гостевом домике на том конце сада. Видно, и там Марьянин крик слышен был. Жены только его не было, нашей домработницы, она к матери уехала на три дня.

– Были ли у вашего хозяина враги?

Няня пожала плечами, с минуту поразглядывала узоры на ковре, но видно желание посплетничать взяло верх над осторожностью.

– Про его деловые связи ничего не скажу, не знаю, куда мне. А дома... разве у Изольды Петровны был повод хозяина недолюбливать...

– Изольда Петровна? – я еще не разобрался в семейных связях покойного.

– Бывшая жена, – проявил неожиданную осведомленность Яр. Я бросил на него вопросительный взгляд, ожидая пояснения, но он внимательно рассматривал острые носы своих щегольских туфель. Я вернулся к свидетельнице и попросил ее разъяснить причины ненависти экс-супруги с таким экзотическим именем Изольда.

– Ну, во-первых, он не захотел отдать ей Марьяну. Две старшие дочери уже были совершеннолетние на момент развода – четыре года назад, а Марьяну они делили по суду, и она досталась отцу. Это несколько странно, учитывая, что в нашей стране суды, как правило, stanno на сторону матерей. Но тут я с судом согласна. Изольде Петровне не больно-то дочка нужна была. Хотела мужу насолить, который младшую больше всех любил, да денег с него побольше урвать на содержание ребенка. А, во-вторых. Как раз насчет денег. Он ей немного дал, при том, образе жизни, к которому она в замужестве привыкла, едва концы с концами сводит. Богемная дамочка. Все среди артистов, спектакли какие-то продюсирует. Точнее, продюсировала. После развода особо не на что, – женщина удовлетворенно хмыкнула, как будто не растраченные женой Кость деньги прямиком пошли в ее собственный карман.

– А после смерти Кость, она может что-то получить? Есть у него завещание?

– Завещание есть. Помнится, нотариус сюда лично приезжал, но что в нем, понятия не имею, – дама раздраженно махнула рукой. К неосведомленности в столь занимательных вопросах она, видимо, не привыкла.

– Ясно... – протянул я, хотя ясности пока было маловато. Но к нянке я вопросов больше придумать не мог, и хотел уже отпустить ее, когда Яр меня опередил:

– Еще пара моментов, – мягко произнес он, и мельком глянул в мою сторону. – Если не возражаете, – было не совсем понятно ремарка адресована мне, или нашей собеседнице.

– По пути в кабинет вы никого не встретили?

Женщина на мгновение замялась, но отрицательно покачала головой.

– Вы уверены? – переспросил сыщик.

– Совершенно уверена, – твердо сказала она, крепко сцепив пальцы на пухлых коленях. Она похоже готовилась защищаться, но этого не потребовалось. Гордеев сменил тему:

– Вы давно работаете на Кость?

– Уже порядочно. Больше 20 лет. Я пришла, как раз когда Полянька родилась. Лере тогда 5 лет уже было. Она всегда была девочкой самостоятельной. А Поля росла робкой, все старалась либо с матерью быть, либо со мной. Но матери немного дела до дочери было, так что мы с Полей крепко сдружились. А когда с моей дочкой несчастье произошло... – женщина замолкла, как будто подавилась этими словами. Ее рот и подбородок дрогнули, но она быстро взяла себя в руки, перевела дух и продолжила – так Поля мне ее можно сказать заменила. Марьяне я вот не особенно нужна. Она, как и Лера, в отца пошла, сильная, волевая. А Поля – в мать, нежная, ранимая. Правда, капризами своими иногда меня до белого каления доводила.

Если что не по ней, то такие истерики устраивала, с кулаками могла наброситься, – Елизавета Сергеевна тихо засмеялась, припоминая шалости своей любимицы. – А какой красавицей выросла! И жених у нее под стать. Очень интересный мужчина. Хотя со своими странностями. Так ведь девушки нынче такие пошли, простых мужчин не любят.

Что она подразумевала под странностями, я спросить не успел. Отвлек легкий стук в дверь, которая тут же распахнулась, явив очаровательное создание. Создание томно повело слегка зауженным как у китайки карими глазами, привычным движением головы откинула назад прядку блестящих каштановых волос и только после этого заговорило:

– Хелло. Я Марсель Фурье. У меня сегодня выходной, и я хочу уйти по делам. Меня ждут. Но ваши... меня не пускают, говорят сначала с вами говорить, – девушка произносила слова медленно, будто смакуя их, приукрашивая их легким грассирующим акцентом и мило коверкая некоторые слова. Я встал ей навстречу:

– Подождите. Нам нужно задать вам пару вопросов, после этого сможете уйти. Спасибо, Елизавета Сергеевна, вы нам очень помогли, прочтите свои показания и распишитесь.

При взгляде на пришедшую губы няньки превратились с узкую злую полоску. После моей тирады она с бесконечным достоинством встала, не читая, чиркнула пару закорючек на бумажках, и, не глядя ни на кого, величественно выплыла из комнаты. Екатерина Великая, не меньше.

Марсель не менее величественно вплыла и присела на тот же диванчик, который покинула ее предшественница. Но теперь вид был несравненно более привлекательным. Девушка закинула одну длинную ногу на другую, отчего ее классическая юбка-карандаш задралась на добрых пару десятков сантиметров, оголив аппетитное бедро. Вернувшись от этого соблазнительного вида к ее глазам, я прочитал в них явную усмешку. Стерва, решил я, и украдкой взглянул на Яра. Тот по-прежнему стоял как истукан, и на его лице в отличие от моего не было ни намек на смущение. Я чотырхнулся про себя и пообещал больше не вестись так легко на женские уловки. Я попросил смутянку рассказать о себе и трагической ночи. История была занимательная. По ее словам, Кость нашел ее в одном небольшом французском ресторанчике и переманил работать к себе. Говорил, что намерен открыть ресторан, а до тех пор она сможет работать поваром у него дома. Россия не была для Марсель совсем чужой страной. Ее отчим был русским эмигрантом и с удовольствием рассказывал ей об ужасах советского строя, что, впрочем, не мешало ему тихо спиваться от, как он говорил, тоски по любимой родине. И она решила попытать счастья на новом месте, тем более строй в стране уже сменился. Однако она была здесь уже пять лет, а о ресторане все еще речи не шло. Кость по-прежнему обещал славу, почет и знаменитых ценителей французской кухни, но то дефолт, то смена власти, то кризис. В общем, элитный общепит никак не мог стать реальностью. Обидно было тратить свои кулинарные таланты всего лишь на одну семью, но платили ей столько, что желания вернуться во Францию не возникало.

Про ночные события девушка рассказала кратко. Услышала крик, но пока поняла, что он ей не приснился, пока встала и пришла к месту событий, почти все уже были в сборе. Кто мог покушаться на жизнь хозяина дома, она не имела ни малейшего представления.

Все это она поведала в весьма лаконичной форме, без лишних эмоций, как будто рассказывала не про себя. Я оглянулся на Яра.

– Скажите, а много в доме бывает гостей? – спросил он.

Марсель уставилась на него, как будто только что заметила. Мгновенно оценив нового собеседника, слегка улыбнулась и протянула, с какой-то новой хриплой ноткой в голосе:

– Нет. Редко. Во всяком случае, мне нечасто приходится готовить праздничные или торжественные обеды. Леонид старался довольно четко разделять деловую жизнь и частная. Но этот вопрос вам лучше задать его помощнику – Володе Кезик. Он в курсе всех его дел. Его правая рука. Иногда мне даже кажется, что Кезик знает о бизнесе Кость, даже больше, чем сам Кость, – девушка подняла на нас томный взгляд и как бы невзначай облизнула свои пухленькие губки

кончиком розового язычка. Ну, чисто кошечка. Я почувствовал раздражение. То ли от излишне откровенного флирта, то ли от того, что он предназначался не мне. А Яр лишь слегка наклонил голову в знак признательности за подробный ответ. Да что он, афродизиаки что ли излучает?

Я отпустил француженку, и послал Кнута поискать новую жертву для допроса. А сам подошел к огромному окну и прижал лоб к холодному стеклу. Вид открывался на заднюю сторону дома. Все-таки чтобы там не говорил Пушкин про «очей очарование», осень чаще довольно негативно действует на природу. За окном были поникшие от влажности кусты и невысокие деревца с редкой грязно-желтой листвой. Газонная трава, все еще отстаивающая зеленый цвет, то тут, то там переходила в бурые проплешины. Цветы на нескольких клумбах пожухли и стояли сиротливыми жалкими уродцами. Блестящая от дождя каменная дорожка, игриво виляя в стороны, вела куда-то вниз. Видимо, к реке, которая протекала метрах в трехстах от дома. Отсюда был виден самый край темного, быстрого потока. Пейзаж навевал тоску. Я с раздражением отвернулся. Гордеев стоял все в той же позе, глядя вниз и слегка покусывая губы. Позже я еще не раз замечал эту его привычку. Это было едва не единственное проявление его беспокойства или нетерпения. Выдержка у него была отменная. Но что в нем женщины такого находят? Ничего особенного. Прямой нос, губы узкие – никакой «чувственной пухлости», как это обычно говорят, небольшой разрез глаз. Однако, сами эти почти черные глаза... ощущение, что их взгляд может как лазер с легким шипением прожечь насквозь. И в них чувствуется не только ум, но опыт, знание жизни. Хотя парень-то довольно молод. Сколько ему? 27? 30?

– Яр, а сколько вам лет? – выпалил я, поддавшись порыву. «Лазеры» тут же впились в мое лицо и стали обшаривать. Пауза затянулась. И мне уже стало неловко за свое неуместное любопытство, когда, наконец, прозвучало лаконичное:

– 36.

Это очевидно была благодарность за мое хорошее утреннее поведение. Потому что как я быстро понял, отвечать прямо на любой поставленный вопрос, Гордеев страшно не любил, а если дело касалось его личности, так и подавно. Скрытность была его кредо. Не знаю уж преднамеренным, чтобы заинтриговать окружающих, или инстинктивным, чтобы не пустить никого дальше порога своей души. Но тогда меня позабавило его нежелание открывать возраст. Прямо как барышня. И мне захотелось его поддеть, тем более я чувствовал перед ним некоторую робость, а это, как известно, заставляет быть грубым:

– А что значит Яр? Сокращение от слова ярость? Кличка такая?

Он усмехнулся.

– Почти. Сокращение от моего имени – Ярополк.

– О, ваши родители – оригиналы.

– Раз уже мы перешли к столь личным вопросам, предлагаю перейти на ты.

– Я согласно кивнул и услышал ровный голос Валерии от двери:

– Может быть, принести кофе?

– Давайте позже, – я снова уселся в кресло. – Вы нам сначала расскажите, что знаете, а потом кофе.

Девушка очень мило пожала одним плечиком и грациозно приземлилась на стул. При этом в отличие от юбки Марсель ее платье сдвинулось лишь на пару миллиметров. И все же, несмотря на ее внешнюю холодность и деловитость, в ее позе и лице была какая-то чувственность. Не откровенная сексуальность, но что-то бесконечно привлекательное и манящее. Мне даже пришло в голову, что возможно маска холодности ей просто необходима, иначе слишком многие могли не удержаться от объятий.

– Рассказывать особенно нечего. Услышала крик Марьяны и прибежала, – сказала она.

– А до крика, вы ничего не слышали? Голосов, шума?

После недолгого раздумья она ответила:

– Даже не знаю... Не уверена, но кажется незадолго до этого стукнула входная дверь. Моя комната почти над входом, но поручиться за это не могу.

– А скажите, почему собственно вы все живете в одном доме? Не хотелось уехать, жить самостоятельно?

Девушка мельком взглянула на Яра, интуитивно прося у него поддержки. Похоже, я затронул болезненную тему. Гордеев не преминул заметить призыв о помощи.

– Думаю, это не имеет отношения к делу, – веско сказал он, изменив своему правилу не мешать мне. Но если я его еще не прогнал, это не значит, что можно наглеть. Не поворачиваясь, я повторил вопрос:

– Так почему?

Надо отдать Валерии должное, она постаралась не допустить разворачивания скрытого конфликта и быстро ответила:

– Я и моя сестра периодически делали попытки съехать, но отец боялся отпускать нас от себя и каждый раз уговаривал остаться. Даже после развода с моей матерью, папа купил ей дом неподалеку отсюда, чтобы не терять ее из вида. Он любил все и всех держать под контролем.

А вот это уже было интересно. Значит, персонаж, который на данном этапе у нас числится главным недоброжелателем жертвы, живет где-то совсем рядом.

– Вы не могли бы пригласить вашу мать сюда? Для беседы?

– Я ей пыталась дозвониться недавно. Но дома сказали, что она уехала куда-то рано утром, а ее мобильный недоступен. Но она в курсе событий. Я уже разговаривала с ней ночью.

– Ясно. Что ж. Тогда, пожалуй, позовите свою сестру.

Кажется, через маску ее хладнокровия на мгновение проступило смущение:

– Я бы попросила вас пока не тревожить Марьяну. Она очень расстроена случившимся. А Полина... Полина уехала. Мне жаль, но она сказала, что записана на пилинг и должна непременно провести его сегодня, чтобы прийти в норму ко дню рождения Максима...

Ха. У нее отца кокнули, а она думает про салоны красоты. Мощно. А папаша-то, похоже, не пользовался особой любовью среди домочадцев. Или, может, у богачей вообще чувства несколько атрофированы?

– А Максим это кто?

– Это жених Полины. Максим Кротов. Правда, день свадьбы пока не назначен. Собственно, он был назначен уже дважды, но... отец переносил.

– Переносил? Почему?

Девушка помолчала, видимо, решая, какой степени доверия заслуживает милиция. Но к Гордееву на этот раз не апеллировала. Она вообще старалась делать вид, что его тут нет, смотрела только на меня, так что мне даже периодически становилось неловко под взглядом этих явно неглупых глаз. Наконец, она решилась:

– Отец был не в восторге от Максима. Он вообще долго пытался отвести его от Поли, но она, как правило, слабая и покладистая, иногда умела упираться так, что танком не сдвинешь. Поэтому свадьба все-таки была назначена, но папа всячески старался ее отсрочить под тем или иным предлогом. После второй отмены новый день так и не назначили.

– Очень интересно, – в задумчивости протянул Яр, приковав взгляды всех присутствующих в комнате. Но продолжения не последовало. Я поблагодарил Валерию и попросил прислать нам еще не опрошенных домочадцев. Выяснилось, что остался только садовник Степан. Шофер повез Полину. Пришлось довольствоваться садовником.

Это оказался уса́тый коренастый мужичок в синей спецовке. Он не добавил ничего нового к рассказам остальных свидетелей. Работал в доме уже 15 лет, с тех пор как уволили предыдущего садовника «за разгул и пьянство», как любезно пояснил работяга. Однако ничего примечательного о своем хозяине он сказать так и не смог. Мол, больше в саду, цветы-кусты,

а хозяйские дела – это его не касается. Мне его простоватость местами казалось даже несколько наигранной. Занимательным оказалось лишь его замечание относительно входной двери.

– А как же вы из своего гостевого домика слышали крик Марьяны? Здесь окна пластиковые, звуки хорошо глушат. А до вашего домика расстояние приличное, – вопрос Яра привел мужчину в некоторое замешательство, но ненадолго.

– Так дверь приоткрыта была, – сообщил он. – Точно приоткрыта, а кабинет недалеко от входа, вот и слышал.

– А что, здесь двери не принято закрывать? – удивился я.

– Почему же, обычно закрывают. Да, наверное, в тот вечер кто-то забыл. Вот Полина, та часто забывает. Уж хозяин на нее столько раз ругался, все-таки река рядом, ничем не отгороженная, приплыть может, кто хочешь. А все без толку. Вот я думаю, сегодня ночью забыли закрыть, какой-то грабитель и проник в дом, убил хозяина и сбежал.

– Но для этого ему заранее нужно было знать, что заперто не будет, – резонно предположил Гордеев. Степан только плечами пожал. Больше ничего стоящего от него мы добиться не смогли.

К этому моменту, кроме нас милиции в доме не осталось. Кнутов собрал многочисленные листы, покрытые аккуратным, ровным почерком и исчез. Я встал в холле и огляделся. Величественный, дорогой дом, в котором уживалось столько разных людей, и для некоторых он был настоящей золотой клеткой. Сколько интриг и ссор здесь затевалось, сколько обиды и злости видели эти криливо-красные стены и ковры. Почему-то мне кажется всего этого негатива было здесь гораздо больше чем любви и нежности. Гордеев остановился рядом:

– Может, зайдем в бар? Посидим, выпьем, обменяемся впечатлениями?

Я с трудом удержал бровь, которая так и рванула вверх. Вечно эти дурацкие брови меня выдают. Обдумал предложение. Честно говоря, было бы неплохо узнать Гордеева получше. Он первоклассный сыщик, и явно первоклассный бабник. Знания в обеих сферах мне было бы неплохо углубить.

– Почему нет, – я постарался, чтобы в голосе звучала достаточная доля равнодушия, подхватил свою куртку и двинул к выходу – Езжай. Я за тобой.

Во дворе в моей душе шевельнулась змея легкой зависти. Яр забрался в салон ослепительно-чистого черного джипа. Не знаю даже, что мне понравилось больше: шикарная марка авто, или способность ее хозяина держать его в такой чистоте в слякотной осенней Москве. Что ж, каждому свое. Утешение было слабым, но я, вообще, не завистлив, так что садясь в свою потрепанную Нексию, цвет которой под слоем грязи довольно сложно было определить, уже размышлял о хладнокровной убийце с «ручкой наголо». Тем более за рулем мне всегда хорошо думалось. Управлять машиной я научился в 15 лет, так что все действия были доведены до полного автоматизма и не отвлекали от размышлений.

Итак. Убит богатенький человек. Успешный, властный, никем, похоже, особо не любимый. Тут намечается две ветви расследования – семья и бизнес. Кто-то не утерпел, стремясь побыстрее получить наследство? Или отпилить долю бизнеса? Хотя стоп, две ли ветви? Мне в голову пришла одна интересная мысль, которая едва не ускользнула, когда черный джип впереди резко тормознул возле пивного ресторанчика. Мне пришлось проехать еще метров двести, прежде чем я нашел свободное местечко среди приткнувшихся на краю шоссе машин. В заведении почти никого не было. Миленькая, но с чересчур толстыми ножками официантка провела нас в уголок. Яр отказался от меню заказал безалкогольное пиво и легкую закуску. Я сделал то же самое.

Как только официантка унеслась на своих неудачных конечностях, я тут уж оказался в эпицентре сверхъестественного внимания Гордеева. Под прицелом его взгляда было несколько неуютно. Складывалось впечатление, что он видел все вплоть до дырки у меня на левом носке. Но ощущение не комфортабельности оказалось недолгим. Уже через полчаса мы

смеялись над тем, как я в университете метался между двумя назначенными свиданиями, не зная на какое пойти, и как в итоге ни одна из девушек не пришла. Даже не понял, как до этого дошло. Просто совсем скоро мне начало казаться, что я знаю Гордеева едва не всю жизнь. Он оказался компанейским парнем с отличным чувством юмора. Я смеялся над его шутками до боли в щеках, хотя сам он максимум улыбался, но очень дружелюбно, тепло. Выпив пива, мы поняли, что недооценили свой аппетит и заказали полноценный обед. К горячему разговор, наконец, свернул на дело. Оказывается, Яр, вероятно, благодаря дружбе с Валерией, уже был неплохо осведомлен о деятельности ее отца. Он владел не слишком крупной, но весьма достойной нефтяной компанией. Поэтому теперь без хозяина остался очень лакомый кусок.

– Да уж, нужно будет пошерстить его компаньонов, – заметил я. – И в первую очередь хорошенько расспросить этого его помощника – Кезик. Наверняка тот должен быть в курсе подводных течений в фирме.

– Тем более на первых порах бразды правления окажутся как раз в руках этого Кезик, – заметил Яр, отправляя в рот очередную порцию тельца в грибном соусе. В ответ на мой недоуменный взгляд он пояснил. – Валерия рассказала.

Значит, по крайней мере о чем-то они успели поговорить, когда были наедине.

– И, кстати, этого Кезик явно что-то связывает с Марсель Фурье.

– Опять Валерия поведала?

– То как француженка о нем говорила, с чувством...

Мне стало досадно, я ничего особенного не приметил. Хотя с ее соблазнительными маневрами было немудрено отвлечься от дела. Все-таки мне еще учиться и учиться следовательской работе.

– Что скис? – тут же отметил Яр. – Наверняка у тебя в голове тоже есть что-то, что я упустил.

Я в этом изрядно сомневался, но не в моих привычках долго расстраиваться. И я решил тоже подать мысль, которая пришла мне в голову перед входом в ресторанчик:

– А вообще, бизнес-контакты можно, вероятно, исключить, – я сделал эффектную паузу. – Очевидно, убил кто-то из своих. Кто часто бывает в доме.

– И на чем основан такой вывод? Дверь была открыта. Кстати, интересно почему, значит, войти мог любой желающий.

– Собака, – только и сказал я. Яр положил приборы и задумчиво глянул в окно. Уже через несколько секунд он одобрительно улыбнулся:

– Собака лает на чужих? Это не была антипатия лично ко мне?

– Точно, она чуть из шкуры не выпрыгнула, пока наши прибывали. А ночью никто не говорил про лай. Значит того, кто зашел в кабинет, она знала. И это существенно сужает круг подозреваемых.

Примерно на этой многообещающей ноте мы попрощались, Гордееву нужно было бежать на встречу, да и меня уверен, уже начальство днем с огнем ищет. Вдохновленный собственной сообразительностью, я пообещал Яру допуск к официальному расследованию. Мы договорились встретиться на следующий день, посетить скорбную вдову погибшего.

Глава 2

Около 11 утра мы уже были у дома экс-супруги Кость. Просторная прихожая оказалась настолько безупречно чистой, что я инстинктивно полез разуваться. Тем более на улице шел проливной дождь, и даже после небольшого расстояния до двери от машины мои ботинки покрылись толстым слоем грязи. Но хозяйка пресекла мое намерение и провела в гостиную.

Изольда Петровна, вдова убитого, оказалась дамой эксцентричной. Ее настороженный взгляд внимательно изучал нас с Гордеевым. Такой взгляд бывает у дворняжки, которая при появлении во дворе новеньких кобельков оценивает, стоит ли их уважать, или можно сразу подмять под себя. Кажется, решила, что мы не так просты. Дама криво улыбнулась, одним краем непропорционально большого рта, и предложила сесть. А потом еще и чаю.

– Саша, чаю! – гаркнула она куда-то в пустоту большого и безвкусно обставленного дома, чувствовалась преемиственность особняку Кость. Явно, с ее уходом там не многое поменялось. Женщина уселась на леопардовый диван, приподняв длинный подол темно-коричневого балахона, в котором ее тощая и невысокая фигурка болталась как ложка в стакане. Судя по дочерям ей было далеко за сорок. Выглядела она лет на 10 моложе, а сзади с ее комплекцией и молодой короткой стрижкой, пожалуй, вообще сошла бы за подростка. За ее спиной как страж у трона королевы встал молодой человек лет 25. В элегантном дорогом костюме и при ярко-оранжевом галстуке. Его пухлые губки были крепко сжаты, и во взгляде невинных голубых глазок читалось явное презрение к милицейским ищейкам. Он то и дело приглаживал и без того плотно облепившие череп русые волосы, явно чем-то намазанные. Пользуются ли еще бриолином? Или теперь есть что-то более современное для придания пышным кудрям крысиной прилизанности?

– Мы хотели бы узнать, в каких отношениях вы были с бывшим мужем и где были вчера между часом и двумя часами ночи, – пояснил я хозяйке дома и выразительно взглянул на набриолининого пажа.

– Это Евгений, не волнуйтесь, от него у меня нет секретов, – протянула женщина-подросток и кинула на паренька полный нежности взгляд. – Мне скрывать нечего, тем более мое отношение к бывшему мужу ни для кого не секрет. Я ненавидела Кость. Пока мы были молоды и перебивались от зарплаты до зарплаты, я ему была нужна. Нужна чтобы выслушивать его бесконечные жалобы на несчастную долю, на непонимающее начальство, на пробки на дорогах. На все. И утешать его, подбадривать, поднимать самооценку. И молчать о своих бедах. Ну как же. Ведь у него своих хватало, а я его любила и хотела, чтобы ему было легче. А чем он мне отплатил? Когда его карьера пошла в гору, он тут же почувствовал себя самым-самым. Стал сначала скрытно, а потом откровенно ходить налево. А затем и вовсе со мной развелся. Я едва успела вкусить его богатства, хотя его бедности испробовала вдоволь. Отобрал у меня детей. И ведь он, даже выпроваживая за дверь, все равно далеко не пускает. Заставил поселиться здесь, по соседству, иначе грозил лишить и тех крох содержания, которые изволит, точнее, изволил мне выплачивать. Ничтожество. И как вы думаете, я должна к нему относиться? – она почти сорвалась на крик. Грудь бурно поднималась под тяжелыми медальонами, свисавшими с шеи.

Тут появился чай, и она перевела дыхание. Саша оказался мужчиной. Что меня несколько удивило. Мужчин-горничных мне еще встречать не доводилось. Хотя в принципе я не припомню, чтобы видел горничных, разве что в отелях. Накачанный брюнет в белоснежной рубашке расставил все необходимое для чая на маленьком столике и тихо удалился. Я заметил, что Евгений проводил его полным злости взглядом. Похоже, чего-то не поделили, а скорее кого-то. Честно говоря, неясно, какой толк от этого мальчишки был нынешней вдове. Его замашки явно отдавали «голубизной». Гордеев, очевидно, тоже отметил отношение паренька

к «горничной». Он с любопытством его изучал, пока Изольда передавала тому изящную чашечку из такого тонкого фарфора, что я даже побоялся взять ее в руки, вдруг рассыплется.

– Что же касается вчерашней ночи. То около 12 я ушла спать, около 4 утра меня разбудил звонок Валерии. И нет, подтвердить этого некому. Я сплю одна, – последнее она особенно подчеркнула. – Но я его не убивала. Зачем брать грех на душу.

– У вас есть какие-то соображения, кто мог желать смерти вашему бывшему мужу?

Женщина хищно усмехнулась:

– Проще сказать, кто не желал его смерти. Он был не из тех, кто располагает к себе. Единственная, кто может жалеть о нем, это маленькая пронырливая Марселька, которой она дарил такие подарки, каких я никогда не видела.

Я удивленно поднял бровь:

– Так они были любовниками?

– Да он не пропускал мимо ни одной юбки, а уж такой смазливой, да к тому же живущей в его доме и подавно, – она так резко поставила чашку на блюдце, что волна чая выплеснулась через край и несколько горячих капель попало ей на руку. Евгений тут же оказался возле нее с салфеткой в руках. Мне бросились в глаза его ноги. Он был обут в яркие домашние тапочки, что очень забавно сочеталось с официальностью всего остального наряда. Очевидно, он частый гость в доме и чувствует себя здесь совершенно комфортно:

– Спокойно, Иза, он того не стоит, – подобострастно прошептал он. Женщина нежно погладила его по блестящей голове. Дождавшись, пока паж снова займет свое место за спинкой дивана, я продолжил:

– А подробности его завещания вы, случайно, не знаете?

– Нет. Он меня не посвящал. Господа, мне, честно говоря, пора уходить. Давайте закончим на этом? – не дожидаясь ответа, вдова встала.

– Еще буквально пара вопросов, – впервые подал голос Гордеев, не двигаясь с места. Изольда снова на мгновение показалась мне хозяйкой собачьего двора. Яр, судя по всему, был оценен как достойный противник, так как она покорно села.

– Когда вы в последний раз виделись с бывшим мужем и о чем говорили?

После недолго раздумья женщина с вызовом ответила:

– Что ж. Все равно вам доложит эта шпионка. Я была у него три дня назад. Просила спонсировать наш спектакль. Видите ли, Женя актер, и первоклассный. И со временем его наверняка оценят. Но пока ему не дают достойных ролей, и я решила сама поставить для него спектакль. Мы нашли прекрасную пьесу, режиссера, актеров и даже театр. Но не хватает денег. А ведь стоит лишь раз показать себя в выгодном свете, и будущее обеспечено. Вложения бы быстро окупились, но нет. Ленька отказал... Мы немного повздорили. Но спорить с ним бесполезно, я-то это знаю..., – женщина так впилась острыми длинными ногтями в диванную подушку, что я бы не удивился появлению на свет поролоновой начинки несчастной. Но уже через мгновение, ее пальцы расслабились. – Ну, на этом думаю действительно все, – она решительно поднялась и направилась к выходу. Евгений засеменил следом. Уверен, он совершенно бездарен.

– А кого вы имеет в виду, говоря о шпионке? – поинтересовался я напоследок.

– Конечно, эту несносную няньку. Она везде сует свой любопытный нос! Регулярно навешивается буквально под мое крыльцо, оправдываясь, что гуляет с собакой! И почаще старается столкнуться с Евгением. Наша Люся его уже даже узнавать стала. Только вот раньше она обо всем докладывала Лене, – быстрый взгляд на пажа. – Теперь уж не знаю, кому будет прислуживать. А без этого она жить не может. По-моему, после того как она потеряла ребенка, она немного сдвинулась в уме.

– А как она потеряла ребенка?

– О, это было, много лет назад, я уже и не помню. Всего хорошего, господи, – Изольда настойчиво выдавливая нас в коридор.

Уже стоя в дверях Гордеев обернулся:

– Простите, но ведь Евгений тоже ночевал в ночь убийства здесь, где он находился во время совершения преступления?

Все, включая меня, с удивлением уставились на Яра.

– Откуда... – начала Иза, но оборвала сама себя. Бросила на нас вызывающий взгляд. – Да он был здесь. Мы засиделись допоздна, репетируя пьесу, и ему уже поздно было ехать домой. Что тут такого? Он ночевал в комнате для гостей.

И вы никуда не выходили ночью из своей комнаты? – обратился Яр уже непосредственно к маячившему за спиной вдовы молодому человеку, прожигая его взглядом, по-моему, до самого позвоночника.

– Нет... не выходил, – робко подтвердил тот.

Гордеев кивнул, показывая, что другого он и не ждал, попрощался и вышел под продолжающийся дождь.

Я было припустил к машине, когда мир вокруг вдруг закружился и начал уходить из-под ног. Новые туфли, которыми я решил сменить наконец свои старые ботинки, не прошли проверку мокрыми мраморными ступеньками крыльца. Уверен, я бы основательно отбил себе хребет, если бы Яр, проявив поистине змеиную реакцию, не подхватил меня за локоть. Никогда бы не подумал, что в этом на вид тощем интеллигенте столько силы, но он без видимого усилия удержал мои почти 80 кило над землей. Я максимально быстро собрал себя в кучу и смущенно обернулся. Как я и думал, сцена не ускользнула от глаз Изольды, которая не успела закрыть дверь. Я хмыкнул. Не удивлюсь, если дворняжка оказалась покорена приبلудным псом. Уже на дороге, не обращая внимания на противную морось, я пристал к Яру с вопросом, как он узнал о ночевке лизоблюда в доме Изольды.

– Не имеет значения, главное, я оказался прав, – бросил он и полез в машину. Но так просто я отступать не намеревался.

– Яр, либо мы работаем вместе, и ты неставляешь меня дураком, либо давай каждый сам по себе.

Тот помешкал секунду, но ответил:

– В коридоре уж очень было чисто. Похоже было, что никто не входил-выходил, так как дождь сегодня зарядил с раннего утра, разведя на улице страшную грязь. Значит наш мальчик ночевал в доме. А если он ночевал там эту ночь, то почему не прошлую? Я сделал вид, что уверен в этом, хотя это было мое предположение, но оно оказалось верным. Не мокни, еще простудишься, – кинул он мне и захлопнул дверь.

Как же все просто, когда объяснят! Почему нельзя замечать подобного самому?

Нашей следующей остановкой стал офис Кость. С трудом пробравшись по традиционным московским пробкам, мы прибыли к симпатичному старинному, но хорошо отреставрированному особнячку. Именно в нем разместил покойный свое подворье, что удивительно. Традиционно энергетические компании предпочитают нечто в суперсовременном дизайне с огромными окнами и просторными подземными парковками. Я, кстати, не имею ничего против ни того, ни другого. Хорошо, когда в офисе много света и нет необходимости приезжать за час до работы, чтобы успеть разместить машину ближе чем в километровой доступности. Но особняк Кость выглядел эффектно. Причем как снаружи, так и внутри. Лепнина на потолке, картины на стенах и мебель в пафосном стиле барокко. Пока стройная блондинка с очаровательными веснушками вела нас по длинным, устланным мягким ковролином коридорам, я вспомнил, что не успел рассказать Яру новости от экспертов.

– Сегодня сообщили, что отпечатков на подоконнике дома Кость, ну помнишь, снаружи искали, нет, – понизив голос, трагически сообщил я. – Человек был в перчатках. Судя по рисунку, оставленному в пыли в кожаных.

Прокомментировать Гордеев не успел.

– Владимир Александрович вас ждет, – обрадовала нас блондинка, распахивая тяжелую дубовую дверь в кабинет. Он состоял из двух частей, разделенных аркой. В одной помещался большой круглый стол со множеством стульев и коньячного цвета кожаный диван, в другой – невероятных размеров рабочий стол и объемные стилизованные под старину шкафы. Исходя из размеров комнаты и богатству обстановки кабинет принадлежал Кость. Но теперь здесь рулил Кезик, его помощник. И судя по уверенности распоряжений, отдаваемых секретарше и помощникам, чувствовал он себя как в этой роли, так и в кабинете шефа весьма комфортно. Это был мужчина лет 35 с пышной копной черных кудрей на голове, выдающимся носом и большими чуть навывкате глазами. Дорогой костюм плотно обтягивал мощные плечи, на фоне которых голова была непропорционально маленькой. Такие фигуры обычно встречаются в спортивных куртках в подворотне, а не в деловом пиджаке в шикарном кожаном кресле.

– Только, пожалуйста, покороче, время – деньги, – в первую очередь попросил он. Я согласно кивнул, но быстро закончить не получалось. К Кезику поминутно забегали какие-то люди с бумагами, и звонил телефон. Через десять минут я искренне поверил, что каждая его секунда стоит минимум доллар, а может, все пять.

– Вы теперь займете место Кость? – вставил я между двумя звонками.

– Это решит собрание акционеров и правление компании.

– Часто ли вы бывали в доме своего шефа?

– Очень часто, – он был сама краткость.

Я нервно побарабанил пальцами по столу, пока Кезик в очередной раз, извинившись, углубился в телефонную беседу. Яр беспечно разглядывал картины не стенах, не обращая внимания на происходящее.

– Где вы были вчера между 10 и двумя часами ночи?

– Я уехал из офиса в начале 12. Отправился прямо домой и лег спать.

– В каких отношениях вы находитесь с Марсель Фурье? – выпалил я, едва Владимир в очередной раз повесил трубку. Тот впервые задумался над ответом, потерев в руках мобильный телефон, нервно постучал пальцами по полированной поверхности стола:

– Думаю для вас это уже не секрет. Мы с Марсель довольно близки.

– А ваш шеф об этом знал?

Кезик поморщился, отбросил в сторону телефон и с вызовом ответил:

– Нет. И если бы узнал, ему бы, вероятно, это не понравилось. Но не думайте. Он бы меня отчитал, но не более. Он уже давно насытился Марсель, и не стал бы устраивать из-за нее скандала. Думаю, вы не совсем это хотели услышать?

– Мы хотели услышать правду, – бросил я. По-моему, такой собственник, как Кость, даже свою старую расческу никому просто так не отдаст, не то, что любовницу. Но кто знает, может, он сам не знал, как отделаться от француженки, которая надоедала ему со своим рестораном. И был не против ее кому-нибудь сбавить.

После беседы с большим боссом мы еще послонялись по офису, поболтали с сотрудниками, но никто не знал ни о каких врагах начальства, ни о возможных мотивах убийства. Хотя подозреваю если бы и знали, не стали бы особо распространяться, рискуя своим тепленьким местечком в нефтяной компании.

С веснушчатой секретаршей, Ксюшей, которая перешла по наследству Кезик от начальника, мы даже выпили кофе. Точнее, нас она гостеприимно угостила кофе, а сама только мило щебетала и хихикала в ответ на наши шутки. И если в начале беседы я бы многое отдал, чтобы получить телефончик такой очаровашки, то в конце не мог понять, как можно терпеть в сек-

ретаршах такое красивое, но пустоголовое создание. Но зато между делом Ксюша обмолвилась, что как раз в день убийства Кость ее сильно отчитал. Секретарша Кезик совсем недавно ушла в декрет и на ее место еще никого не нашли. Так что Ксюше приходилось разрываться между двумя начальниками. По просьбе Кезик она заказала билеты для него и Марсель Фурье на выходные в Испанию. Но по ошибке положила эти билеты на стол Кость среди других бумаг. Когда тот их обнаружил, то поднялся настоящий ураган.

– Кричал, что не позволит никому наставлять ему рога. А я причем? Я только исполнила приказание, чего на меня кричать? – жаловалась нам девушка. – С меня он переключился на помощника, но только по телефону, потому что тот был на какой-то встрече. Повезло. Если бы он был здесь, Кость бы его наверно на клочки порвал. А так только грозил всякими карами, даже уволить обещал.

Ну да. А дальше повезло еще больше, начальника кто-то кокнул...

Последовавшие через пару дней похороны прошли, как мне показалось, не соответствующим положению умершего – скромно. Людей было немного, в основном родственники и близкие друзья. Мы с Яром примостились немного в отдалении, наблюдая за собравшимися. Никто не плакал, не ломал в исступлении рук и на могилу не бросался. Что ж, заработать много денег, это еще не значит заработать любовь и уважение.

Когда все собрались вокруг угрожающе разверзнувшейся ямы, послышался мощный рев мотора и через решетчатую кладбищенскую ограду мы увидели лихо подлетевший приземистый темно-синий БВМ. Помню я себе тоже такую присматривал. Но решил, что слишком дорого и не для наших дорог. Можно только как игрушку использовать. Что ж, кто-то мог позволить себе такую игрушку. Открылась дверь и из недр светло-серого салона показался мужчина в темном плаще. Стремительным шагом он прошел по дорожке к собравшимся у могилы, и я узнал Кезик. Судя по авто, помощники бизнесменов неплохо получают.

Я устался на группку друзей и родственников убитого, пытаясь не дрожать от холода. Погода была скверная. Из обрывков угрюмых серых туч то и дело моросил мелкий, неприятный дождик, а холодный осенний ветер так и норовил забраться под края моего пальто. Я жалел, что не поддел под рубашку майку, она хоть и тонкая, но находясь у самого тела, неплохо греет. Увы, все майки я выбросил. Как мне пояснила моя последняя подруга, только полные лохи носят майки. Вдруг женская ручка захочет шаловливо забраться под рубашку, а там! Позор! Не то чтобы мне часто попадались такие шаловливые девушки, но вдруг именно сегодня повезет, а я не готов. Теперь ежась и дрожа я, можно сказать, пожинал плоды своего сластолюбия.

Яр, стоящий рядом, даже куртку не застегнул, хотя она была совсем тонкая. Деревянный он что ли? Однако явно не только мне было неудобно. Церемония прощания была максимально короткой. Принесли гроб, священник сказал речь буквально минут на пять и прости-прощай. Когда мрачные, традиционно небритые могильщики начали засыпать могилу, Валерия негромко, как подобает, скорбящей дочери, пригласила всех желающих в дом на поминки. Станный, право слово, обычай. Особенно умиляет совершенно непреклонная необходимость выпить за упокой души всем, начиная от беременных и заканчивая подростками. Будто без пары капель горячительного, упавших в чей-то желудок, душа не успокоится.

На выходе с кладбища мы перехватили Полину с женихом. Девушка выглядела печальной. Тоскливое выражение было непривычно для этого яркого, полного жизни личика со здоровым румянцем, большими глазами и пухленькими губками, которые так и норовили растянуться в улыбку. Одной рукой она цеплялась за своего спутника, а другой поддерживала воротник кожаного пальто, чтобы прикрыть грудь от пронизывающего ветра. Над рукавом поблескивали многочисленные браслеты, которые весело позвякивали. Полина очаровательно непонимающе хлопала своими длинными ресницами, когда мы попросили уделить нам

немного времени для разговора. Можно было подумать, ее удивило, что милиция интересуется произошедшим с ее отцом. Что? Жестоко убили? И что с того?

Жених Полины выглядел существенно старше невесты, хотя нельзя сказать, что солиднее. Первое, что бросалось в глаза при взгляде на него – это довольно длинные волосы, собранные в хвост на затылке, большая серьга в левом ухе и несколько простых серебряных колец на изящных музыкальных пальцах. Мужчина был в одном костюме, из ворота расстегнутой на несколько верхних пуговиц рубашки виднелся серебристый медальон в виде пятиконечной звезды. Ностальгия по СССР? Глядя на его сверхлегкий наряд, я невольно поежился. Вообще, неординарный товарищ. Хиппи? Хотя сейчас это скорее называется фрик.

– Полина, вы вчера во сколько вернулись домой? Судя по всему, было уже довольно поздно? – спросил Яр.

Девушка зарделась как лакмусовая бумажка в кислоте. Быстро взглянула на своего жениха, но тот с интересом рассматривал Гордеева. Она отрицательно затрясла своими кудряшками:

– С чего вы взяли, что было поздно? Вовсе нет. Я пришла около десяти. И уже давно спала, когда разгорелся весь этот сыр-бор.

– Правда? И чем вы занимались пока не легли спать?

– Я, эмм, ну всякими женскими делами, знаете, маникюр, маски все такое, – но в голосе девушки было так мало убедительности, что даже ее кавалер, наконец, повернулся, и в его взгляде явно читалось некоторое недоумение. Неожиданно он подал голос:

– Все верно! Около 10 я подвез Полину на такси к ее дому, а сам поехал к себе. Ее отец, знаете ли, не любил, когда она поздно возвращалась. Как будто ей все еще 16. Полагаю, уверенность в этом и мешала ему отдать ее мне в жены.

– Ну, теперь то у вас нет преград, – поддел я. – Вы я так понимаю, Максим Кротов?

Молодой человек сощурил глаза, поправил шнурок на шее, как будто он неожиданно начал его душить и как заправский артист, выдержав паузу, протянул:

– Точно подмечено, по обоим пунктам.

Я невинно поинтересовался, где товарищ живет. Оказалось, недалеко. Где-то в области, 40 км от Москвы. Такси, надо полагать, стоит ему целого состояния.

– А почему на такси? Нет машины?

– Представьте себе. Даже прав нету. Не дается мне автомобильная наука, да как-то я и не жажду, – он выпятил подбородок, похоже, готовый с гордостью выдавать свое неумение за талант. Только спорить с ним никому не хотелось. Тем более мы уже остались на кладбище одни, не считая могильщиков, которые быстро и умело, как картошку на огороде, закапывали недавнего миллионера. То, что Кость был долларовым миллионером, выяснилось уже через пару часов.

Чтение завещания по всеобщему согласию откладывать не стали. Родственники наскоро сказали пару речей на поминках и выпроводили немногочисленных гостей. И вот едва на могилу погибшего упали последние комья земли, его близкие уже собрались в столовой его дома в предвкушении раздачи слонов. Пришедшие шумно рассаживались, переговаривались и даже пересмеивались. Мы с Ярсом встали у стены, чтобы видеть лица большинства собравшихся. Общая атмосфера напоминала скорее ипподром перед скачками, нежели сообщество удрученных родственников: азарт, предвкушение, легкое беспокойство. Искренне расстроенной выглядела лишь Марьяна, которая старалась не выпускать из руки тонкую белую кисть старшей сестры. У Валерии на лице застыло выражение как у царственной особы во время приема послов. Самообладания ей было не занимать.

Полина то глупо хихикала, то неожиданно пускала слезу, белые кудряшки девушки то и дело живописно колыхались над столом как хлебные колосья на ветру. Ее жених с любо-

пытством оглядывал будущих родственников. Изольда что-то тихо шептала на ушко Евгению, и тот согласно кивал блестящей головой. Кучерук села в уголочке, пытаясь делать вид, что она то ничего не ждет, но глаза то и дело шныряли по комнате, привычно отмечая все происходящее. Вошла Марсель, которой не было на поминках, наверняка пришлось крутиться на кухне. На девушке было простое черное платье ниже колен, которое было бы более чем скромным, если бы не шикарное декольте, едва не полностью оголяющее ее грудь. Все присутствующие мужчины не преминули оценить открывающийся вид. Полина ревниво поджала губы и демонстративно уткнулась в мобильный телефон. Француженка звонко процокала каблучками и приземлилась рядом с Кезик. Тот единственный в комнате представитель сильной половины человечества не заинтересовался ее прелестями и продолжал что-то увлеченно говорить юристу, который пришел огласить завещание. Юрист, худой, высокий почти блондин, выглядел не старше 25 лет, но сохранял удивительное для его возраста хладнокровие. Прислушиваясь к Кезику, он оглядывал публику, ожидая, когда она затихнет. Я заметил, что особенно внимательно он приглядывается к Валерии, то и дело возвращаясь к ней взглядом. Я украдкой оглянулся на Яра. Тот тоже наблюдал за пареньком, и уверен он запомнил даже какие полоски были у того на галстуке. Наконец, все расселись и обратили свое внимание на молодого человека.

– Добрый день, меня зовут Кирилл Сундуков. Я представляю юридическую компанию «Депеляев групп», которой покойный Леонид Николаевич Кость доверил ведение своих дел, в том числе оставил на хранение завещание, – раздался его уверенный голос, явно привыкший к большим залам. Тут то и выяснилось, что денег у почившего было весьма прилично – около сотни миллионов долларов. Без предисловий и околнностей юрист сообщил, что львиную долю состояния, также как акции большинства предприятий, как и пакет, который ему принадлежал в его главном активе – нефтяной компании «ОйлВей» – досталось его старшей дочери Валерии. Даже это довольно неожиданное объявление никак не отразилось на «царственном профиле» девушки. Только несколько более быстрых чем обычно взмахов пушистых темных ресниц говорили о волнении. Она с легким вызовом оглядела присутствующих, ожидая возражений. Но никто не посмел высказать упреков. Только жених Полины, тихо крикнул и скривил недовольную гримаску. Наверно, пожалел, что не на ту дочь поставил. Хотя и Полине досталась изрядная часть наследства. Собственно, Кость всем оставил по куску пирога, не забыл даже слуг и бывшую жену. Услышав, что ей достается миллион долларов и дом на Лазурном берегу Изольда прямо расцвела на глазах и крепче сжала пальцы своего напмаженного не то любовника, не то сыночка. Закончив чтение, Сундуков аккуратно собрал все бумаги в дорогой кожаный портфель и подошел к Валерии. До меня донеслись обрывки фраз:

– Понимаю, что не лучшее время... услуги нашей компании... всегда готовы... зарекомендовали себя... и я лично... – Вот лично он, возможно, был заинтересован в девушке даже больше, чем его компания. Хотя любая юридическая контора явно перегрызла бы кому угодно горло за такого лакомого клиента, как она. Законник явно был к ней равнодушен. Но когда женщина богата, ей остается только гадать, что именно привлекло к ней мужчину – она сама или ее счет в банке.

Девушка что-то вежливо отвечала, но ее глаза блуждали по сторонам, и мысли были заняты более важными вещами. Возможно, подсчитывала обрушившиеся капиталы и прикидывала свои возможности, а может... Как только рядом с ней оказался Яр, ее взгляд тут же сфокусировался, лицо осветила улыбка. Все-таки подозреваю, для женщин на первом месте всегда будет любовь, а уж потом деньги, акции и нефтяные вышки. По крайней мере, для большинства. Но Гордеев ей лишь приветственно кивнул и обратился к юристу. Я придвинулся ближе, чтобы лучше слышать.

– Скажите, давно ли Кость написал свое завещание, и кто знал о его содержании? – Юрист явно был не дурак, и от его внимания тоже не укрылась реакция Валерии на Яра. Он внимательно его рассмотрел, ничуть не тяготясь затянувшейся паузой, и поинтересовался:

– А вы собственно кто? Не припомню вас в числе родственников, – при этом в его голосе не чувствовалось ни капли агрессии, мол, все только потому, что я не могу разглашать такую информацию кому попало. Яр принял свой самый любезный вид:

– Извините, я не представился, Яр Гордеев, по просьбе Валерии Кость я занимаюсь расследованием обстоятельств смерти покойного.

– О, я прошу вас оказать господину Гордееву всю возможную помощь. Он друг нашей семьи, и я полностью ему доверяю, – вмешалась Лера, и в подтверждение серьезности своей просьбы коснулась запястья юриста, выглядывающего из безупречно белого манжета рубашки.

– Конечно, если этот человек действует по вашей просьбе, я постараюсь по возможности помочь, – сказал он, но смотрел в этот момент на пальцы девушки на его руке. Однако она совершенно не замечала магнетизма своего случайного жеста.

По словам Сундукова, завещание было совсем недавно, буквально пару месяцев назад, переписано, ранее все имущество делилось примерно поровну между тремя сестрами. Однако неизвестно знал ли кто-то о новом содержании документа. Официально оно не зачитывалось, а говорил ли кому-то Кость о своей последней воле – кто знает.

– Лера, может тебе известно, кто был в курсе содержания завещания? – вопрос Яра на первый взгляд был вполне невинен и естественен, однако, и я, и юрист, судя по негодованию в его глазах, почувствовали его двойственность. Все-таки Валерия была главной наследницей, и значит, смерть родителя была ей наиболее выгодна. Девушка быстро ответила:

– Во всяком случае, я не знала об этом, – при этом ни в ее голосе, ни во взгляде не было ничего, кроме нежности. По-моему, от Яра она с радостью приняла бы и обвинение в убийстве, и чашу с ядом. Все-таки от любви люди здорово глупеют. Даже такие умные, как Валерия.

– Будем рады видеть вас в нашем руководстве, – кажется, довольно искренне заявил подошедший Кезик, разрушив атмосферу недоверия. Его лучезарная улыбка прямо-таки ослепляла, так же как поблескивающие на манжетах камни, очень похожие на бриллианты. – Вы давно работаете в компании и знаете в целом ее деятельность, но теперь вам откроется святая святых. Вся наша кухня. Как только будете в состоянии приняться за работу, милости просим.

– Спасибо, Володя. Я после обеда загляну в офис.

На мгновение оскал Кезик несколько померк. Он неспешно поправил и без того идеально завязанный узел галстука и заметил:

– Не стоит спешить. Я понимаю, какое потрясение ты испытала. Отдохни, приди в себя и с новыми силами за работу. Не волнуйся, дело в надежных руках, – и пока девушка не успела возразить, он слегка поклонился и торопливо пошел к выходу.

– Мне тоже пора, – стал откланиваться Яр. – Рад был познакомиться, Кирилл. Валерия, если что, я на телефоне, – он крутанулся на каблуках и тоже направился к двери. Я поспешил следом.

– Почему ты спросил Валерию, знала ли она про завещание? Неужели ты и ее подозреваешь? – нагнал я сыщика в коридоре.

Он неопределенно пожал плечами.

– Что у вас за отношения? – не унимался я. Яр остановился и кинул на меня такой испепеляющий взгляд, который не оставлял сомнений в том, что он не относится к роду мужчин, любящих распространяться о своих или не совсем своих женщинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.